НАСЛЕДСТВО И РОДНЯ

Жизненные истории о семье

ВЕРА ЯСЕНЕВА

Вера Ясенева

Наследство и родня. Жизненные истории о семье

https://litres.ru/74750172
SelfPub; 2026

Аннотация

Бабушка притворилась спящей — и услышала, как дети делят её квартиру. Мама завещала квартиру чужой женщине. На похоронах отца появился мальчик с его глазами. А дед оставил записку: «Деньги зарыты в огороде»

15 жизненных историй о наследстве, завещаниях и родне. О том, как квартиры, дачи и гаражи ссорят самых близких — и как иногда, наоборот, возвращают семье друг друга. Семейные тайны, суды и примирения, неожиданные завещания и поступки, которых никто не ждал.

Рассказы из жизни, после которых хочется позвонить маме, брату или сестре. С честными деталями о том, как устроены завещание, обязательная доля и отказ от наследства.

Для всех, кто хоть раз сидел у нотариуса — или ещё посидит.

Содержание

Я притворилась спящей и услышала, как дети делят мою квартиру. На юбилей я приготовила им сюрприз 4
Мама завещала квартиру чужой женщине. Я поехала к ней скандалить и увидела на стене нашу фотографию 11
На похоронах отца к нам подошла женщина с мальчиком. «Это его сын», — сказала она 18
Тётя оставила мне в наследство дом в деревне. Вместе с домом мне достались её долг и её тайна 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Вера Ясенева
Наследство и родня. Жизненные истории о семье

Я притворилась спящей и услышала, как дети делят мою квартиру. На юбилей я приготовила им сюрприз

В тот день я узнала, сколько стоит моя жизнь. Восемь миллионов четыреста тысяч. Так сказал зять. Он посмотрел цены в интернете, пока я спала в соседней комнате.

Вернее, они думали, что я сплю.

* * *

По воскресеньям дети приходят ко мне обедать. Так заведено с тех пор, как не стало мужа. Сын Гена с женой Жанной, дочь Ира с мужем Стасом и внучка Ксюша, Ирина дочка, ей девятнадцать. Я с утра леплю пельмени, пеку пирог с капустой, достаю из серванта сервиз с золотым ободком. Мне семьдесят девять лет, и это самый счастливый день мо-

ей недели.

В то воскресенье после обеда у меня закружилась голова. Ничего страшного, давление. Я сказала, что прилягу на полчасика, и ушла в спальню. Дверь осталась приоткрытой. Я лежала, слушала, как они гремят посудой на кухне, и думала: «Какие они у меня хорошие. Посуду моют».

А потом Жанна сказала:

— Ну, сколько она ещё одна протянет? Вы видели, как её шатнуло?

— Я давно говорю, — ответил Гена. — Её надо в пансионат. Там уход, врачи. Я смотрел один, за городом. Сорок тысяч в месяц.

— А квартиру можно сдавать, — сказал Стас. — Я глянул: такая двушка в центре сдаётся тысяч за пятьдесят пять. Ещё и в плюсе останемся.

Я лежала и не дышала. «Ещё и в плюсе». Я, оказывается, ещё и выгодная.

* * *

Дальше было хуже.

Стас посмотрел что-то в телефоне и сказал: «А продать её сейчас можно за восемь четыреста. Это если без ремонта». Ира сказала, что продавать, конечно, надо, но потом, «когда всё», и делить пополам. Жанна возмутилась: почему пополам, если у них с Геной двое детей, а у Иры одна Ксюша. Гена сказал, что это вообще-то он маме больше помогал: в прошлом году кран поменял.

Кран. Я вспомнила этот кран. Он менял его два месяца. Я полгода ходила с тазиком под раковиной.

Потом они начали делить вещи. Сервант — старьё, на свалку. Книги — сдать в макулатуру, «кто их сейчас читает». Ковёр, может, на дачу. Сервиз с золотым ободком Жанна сказала, что возьмёт себе: «Он хоть и советский, но красивый».

Тот самый сервиз. Мы с мужем купили его в семьдесят восьмом году, отстояв ночь в очереди. Я пила из этих чашек чай в день, когда родилась Ира. Я ставила их на стол, когда Гена привёл знакомить Жанну.

Я лежала и смотрела в потолок, и слёзы текли мне в уши. Есть такая особенность, когда плачешь лёжа на спине: слёзы текут в уши. Я этого раньше не знала.

* * *

И вдруг с балкона вошла Ксюша. Она выходила звонить подружке и, видно, слышала конец разговора через форточку.

— Вы что, с ума сошли? — сказала она. Тихо, но так, что все замолчали. — Бабушка живая. Она вон за стенкой лежит.

— Ксюш, не начинай, — сказала Ира. — Взрослые разговаривают. Мы о будущем думаем.

— О каком будущем? — Ксюша чуть не плакала. — Она вам пельмени с шести утра лепила! Я видела, у неё руки в муке были, когда я пришла! А вы её сервант на свалку несёте!

— Тише ты, — шикнул Гена. — Разбудишь.

Ксюша хлопнула дверью и ушла. Не в прихожую — ко мне. Вошла в спальню, увидела, что я не сплю, что у меня мокрые уши и мокрая подушка. Села рядом на кровать. Взяла меня за руку. Ничего не сказала. Просто сидела и держала меня за руку, пока они не ушли.

Когда за ними закрылась дверь, Ксюша спросила:

— Ба. Ты всё слышала?

— Всё, — сказала я.

— Что ты будешь делать?

Я подумала и сказала:

— Пока — ничего. У меня через месяц юбилей. Восемьдесят. Вот на юбилей и посмотрим.

* * *

Всю следующую неделю я думала. Не спала ночами. Злилась, плакала, жалела их, опять злилась. Потом взяла паспорт и пошла к нотариусу. Одна. Даже Ксюше не сказала.

Нотариус была молодая, вежливая. Внимательно меня выслушала и объяснила то, чего я, оказывается, не знала. Что я могу завещать квартиру кому угодно. Хоть детям, хоть внучке, хоть соседке, хоть приюту для собак. Что мои дети взрослые, здоровые и работают, поэтому никакой обязательной доли у них нет. Что содержание завещания — тайна, и нотариус никому его не раскроет, пока я жива. И что переписать завещание я могу когда захочу и сколько захочу. Действует последнее.

— Хоть каждый год переписывайте, — сказала она. — Это ваше право.

Я вышла от неё и впервые за неделю улыбнулась.

* * *

На юбилей я сняла зал в кафе. Позвала всех: детей, внуков, двух своих подруг, соседку Валентину Ивановну. Надела синее платье, которое берегла на особый случай. Особый случай, решила я, как раз настал.

Когда все поели и выпили компота, я встала. Ксюша первая это заметила и похлопала в ладоши, чтобы все замолчали.

— Дорогие мои, — сказала я. — Я приготовила вам подарки.

И раздала конверты. Гене с Жанной, Ире со Стасом. Они переглянулись и заулыбались. Наверное, думали, что там деньги.

В конвертах лежали буклеты. Глянцевые, красивые. Пансионат «Золотая осень», за городом, уход, врачи, сорок тысяч в месяц. На каждом буклете я своей рукой написала: «Присмотрите для себя. Вам ведь тоже когда-нибудь будет восемьдесят».

За столом стало очень тихо.

— Мама… — начал Гена.

— Я не спала, Гена, — сказала я. — В то воскресенье. Я всё слышала. Восемь миллионов четыреста. В плюсе останемся. Сервант на свалку, книги в макулатуру, сервиз Жан-

не.

Жанна покраснела до корней волос. Ира закрыла лицо руками. Стас уставился в тарелку.

— Квартиру я завещала, — сказала я. — Кому — не скажу. Нотариус говорит, имею право. И переписать имею право. Хоть каждый год. Так что живите и думайте.

Я села.

* * *

Был ещё один конверт. Для Ксюши. Она открыла его последней. Там лежал ключ. Второй ключ от моей квартиры, на брелоке в виде маленькой чашки с золотым ободком. И записка: «Приходи, когда захочешь. Просто так. Без повода».

Ксюша посмотрела на меня, и у неё задрожали губы.

После кафе все разъехались молча. А вечером, часов в десять, в дверь позвонили. На пороге стоял Гена. Один, без Жанны. Пятьдесят пять лет мужику, седой уже, а стоял, как в первом классе, когда принёс двойку.

— Мам, — сказал он. — Можно я войду?

Мы сидели на кухне до часу ночи. Он плакал. Рассказывал, что у него долги, что на работе сокращения, что Жанна каждый день пилит. Что он не хотел меня обидеть, что это всё разговоры, просто разговоры. Я слушала. Потом налила ему чаю. В чашку с золотым ободком.

— Разговоры, Гена, — сказала я, — тоже бывают делом. Особенно когда мать за стенкой.

* * *

С тех пор прошло два года. Мне восемьдесят один.

Дети теперь приходят не только по воскресеньям. Гена сам, без напоминаний, поменял мне все краны и починил балконную дверь. Ира звонит каждый вечер. Жанна в прошлом месяце принесла мне пирог собственного приготовления, жёсткий, как подошва. Я съела. Из вежливости. Даже Стас здоровается теперь по-другому.

Может быть, они это делают из страха. Из-за завещания. Ну и пусть. Я старая, мне уже всё равно, из-за чего они приходят. Главное — приходят.

А Ксюша приходит просто так. Без повода. Пьёт со мной чай, читает мне вслух, рассказывает про своего мальчика. Книги из моего шкафа она перечитала уже половину. Говорит, лучше, чем в интернете.

Кому я завещала квартиру — я и вам не скажу. Это тайна. Знают только я, нотариус и сервиз с золотым ободком.

Ну и Ксюша, кажется, догадывается.

Мама завещала квартиру чужой женщине. Я поехала к ней скандалить и увидела на стене нашу фотографию

Нотариус надела очки, открыла папку и начала читать. Я сидела напротив и смотрела на её губы. Я была уверена, что знаю каждое слово. Я ведь единственная дочь.

— …Квартиру, расположенную по адресу… завещаю Сомовой Елене Викторовне.

Я переспросила. Нотариус прочитала ещё раз. Сомова Елена Викторовна. Я никогда в жизни не слышала этого имени.

* * *

Мамы не стало в марте. Последние два года она болела, и я была рядом всё это время. Возила её по врачам, сидела в очередях в поликлинике, ночевала в больнице на стуле, когда ей делали операцию. Мой муж, Олег, шутил, что видит меня реже, чем мамину участковую.

Я не жалуюсь. Это мама. Я бы и ещё двадцать лет так прожила, лишь бы она была.

Квартира… Это была не просто квартира. Трёшка в старом кирпичном доме, где я выросла. Где на косяке кухонной

двери до сих пор видны карандашные отметки моего роста. Где в серванте стоят мои школьные грамоты. Я не собиралась её продавать. Я вообще о ней не думала. Пока нотариус не прочитала: «Сомовой Елене Викторовне».

— Кто это? — спросила я.

— Я не могу вам сказать, — ответила нотариус. — Это личные данные. Завещание составлено четыре года назад, наследодатель была полностью дееспособна, подпись её. Я сама удостоверяла.

Четыре года назад. Мама тогда ещё была совсем здорова. Ходила на рынок, пекла пироги, ругала меня за то, что я мало ем.

Я вышла от нотариуса и долго сидела в машине. Руки тряслись.

* * *

Дома я перерыла мамины вещи. Документы, письма, записные книжки. В старой телефонной книжке, на букву «Л», нашла запись: «Лена С.». И адрес. Город за двести километров от нас. Я там ни разу не была. А в маминой тетради с расходами каждый месяц, много лет подряд, стояла одна и та же строчка: «Лене — 5000».

Каждый месяц. Много лет. Из маминой пенсии.

Я сидела над этой тетрадью и чувствовала, как внутри поднимается злость. Всё стало понятно. Какая-то мошенница. Нашла одинокую пожилую женщину, втёрлась в доверие, тянула деньги, а потом уговорила переписать квартиру. Я про

такое по телевизору сто раз видела.

Олег сказал: «Марин, давай через юриста. Не езди сама».

Но я поехала сама. На следующий же день. Двести километров я репетировала, что скажу. Что я подам в суд. Что докажу, что маму обработали. Что посажу её, эту Лену С., если понадобится.

* * *

Дом оказался обычной панельной пятиэтажкой на окраине. Третий этаж, дверь, обитая старым дерматином. Я нажала на звонок и не отпускала, пока не услышала шаги.

Дверь открыла женщина лет шестидесяти. Невысокая, полная, с седыми волосами, собранными в пучок. В домашнем халате и в очках на цепочке. Она посмотрела на меня. И вдруг вся как-то обмякла и прислонилась к косяку.

— Марина, — сказала она. Не спросила. Сказала. — Вы Марина. Проходите. Я знала, что вы приедете.

У меня в голове было приготовлено столько слов. А я стояла и не могла выговорить ни одного. Откуда она знает моё имя?

— Проходите, — повторила она. — Не на пороге же.

Я вошла. Маленькая прихожая, вешалка, коврик. Дальше — комната. Чистая, бедноватая, с ковром на стене и старым диваном. Я сделала шаг, открыла рот, чтобы наконец сказать всё, что приготовила.

И увидела на стене нашу фотографию.

* * *

Ту самую. Я знала её наизусть: она висела у мамы в спальне сорок лет. Море, восемьдесят шестой год. Папа в соломенной шляпе, мама в голубом сарафане, а у неё на коленях я, пятилетняя, в панамке, с ведёрком. Только у мамы была большая фотография, в рамке. А здесь — маленькая, вырезанная, приколотая булавкой к обоям.

А рядом висела ещё одна. Старая, чёрно-белая, с загнутым уголком. На ней совсем молоденькая девочка, лет семнадцати, в больничном халате, держала на руках младенца. Девочка смотрела в камеру и не улыбалась.

Это была мама. Я узнала её сразу. По глазам, по ямочке на подбородке. Я видела её такой на школьных фотографиях.

— Кто это? — спросила я. Голос был чужой. — Кто у неё на руках?

— Я, — сказала Елена Викторовна.

* * *

Мы сидели на её маленькой кухне четыре часа.

Маме было семнадцать, когда она родила. Шестьдесят восьмой год, маленький городок, отец ребёнка — солдат из части, который уехал и пропал. Мамины родители сказали: или ты оставляешь ребёнка в роддоме, или уходишь из дома. Мама оставила. Ей было семнадцать, ей некуда было идти.

Лену удочерила семья из другого города. Хорошие люди. О том, что она приёмная, Лена узнала только после их смерти, в сорок лет, когда разбирала документы. Нашла через архивы фамилию матери. Нашла маму. Восемнадцать лет на-

зад.

— Она приехала ко мне на следующий же день после моего письма, — рассказывала Лена. — Стояла вот тут, у двери, и плакала. А потом ездила два раза в год. Весной и осенью.

И тут у меня в голове будто щёлкнуло. Весной и осенью. Мама каждый год, весной и осенью, уезжала на неделю «в санаторий». Я сама провожала её на вокзал. Я сама покупала ей билеты. Я ни разу не спросила, почему из санатория она никогда не привозит ни фотографий, ни магнитиков.

— Почему она мне не сказала? — спросила я. — Восемнадцать лет!

Лена встала, достала из ящика стола конверт. На нём маминым почерком было написано: «Марише. Отдать после меня».

* * *

«Мариша, доченька. Если ты читаешь это, значит, ты всё-таки поехала к Лене. Я знала, что поедешь. Хотя бы ругаться.

Я всю жизнь трусиха. Сначала испугалась родителей и отдала свою девочку. Потом испугалась тебе рассказать. Боялась, что ты будешь меня презирать. Что скажешь: как ты могла. Я и сама себе это говорю пятьдесят лет.

Квартиру я оставила Лене не потому, что люблю её больше. Я вас люблю одинаково. А потому, что по-другому я не знала, как вас познакомить. Ты бы сама её не нашла. А она бы к тебе не пришла: она гордая, вся в меня.

Это единственное, что я могу вам оставить по-настояще-

му. Друг друга. Простите меня, девочки. Ваша мама».

Я дочитала и положила голову на стол, на клеёнку в мелкий цветочек. И заплакала. Лена гладила меня по волосам. Так, как гладила мама.

* * *

Лена сказала, что о завещании не знала. Что квартира ей не нужна, у неё своя есть. Что она откажется от наследства в мою пользу. Она даже узнала: по закону так можно, если сделать это у нотариуса в течение полугода. Я ведь наследница по закону, мамина дочь.

Я думала всю ночь. Ночевала у неё на старом диване, под той самой фотографией.

Утром я сказала:

— Нет, Лена. Не отказывайся. Мама хотела, чтобы мы встретились. А не чтобы ты мне что-то отдала. Давай пополам.

Мы так и сделали. Лена приняла наследство, а потом подарила мне половину квартиры. Нотариус объяснила, что между сёстрами налога при дарении нет. Даже если сёстры только по матери. Я тогда впервые услышала, как нас называют вслух: сёстры. И долго не могла привыкнуть.

* * *

Квартиру мы не продали. Мы там встречаемся. На мамин день рождения, на Новый год, просто так. Лена приезжает с мужем и внуками. Я — с Олегом и сыном. Мои отметки роста на кухонном косяке Лена увидела в первый же день и

долго их гладила пальцами. Потом взяла карандаш и рядом, на своём росте, поставила свою. Маленькую, с датой. Сказала: «Я тоже тут жила бы. Если бы».

Мне сорок пять, ей пятьдесят восемь. Мы обе седые. Мы смеёмся одинаково, оказывается, и одинаково морщим нос. Олег говорит, что мы похожи, как две капли. Я сама этого не вижу. А может, просто боюсь поверить своему счастью.

Мама оставила мне не квартиру. Она оставила мне сестру. Просто сказать это по-другому так и не смогла.

На похоронах отца к нам подошла женщина с мальчиком. «Это его сын», — сказала она

Мальчик был похож на папу так, что я сначала подумала: у меня от горя что-то с глазами.

Тот же вихор на макушке, который никакая расчёска не берёт. Те же оттопыренные уши. Та же манера стоять, чуть наклонив голову набок, как будто прислушиваешься. Ему было лет девять. Он держал за руку женщину в тёмном пальто и смотрел на гроб.

Женщина дождалась, когда все пойдут к автобусам, и подошла к нам с мамой.

— Простите, — сказала она. — Я понимаю, что сейчас не время. Но другого времени у меня не будет. Меня зовут Кристина. Это Егор. Он сын Анатолия Сергеевича.

* * *

Я помню, как мама покачнулась. Я успела подхватить её под локоть. Мама смотрела на мальчика, на его вихор, на уши. Она тоже всё увидела.

— Уходите, — сказала я. — Как вам не стыдно. Сегодня. Здесь.

— Мне стыдно, — сказала Кристина. Она не плакала, но голос у неё дрожал. — Мне очень стыдно. Я бы не пришла.

Но Егор хотел попрощаться с папой. Он имеет право попрощаться.

Она сунула мне в руку листок с номером телефона. Взяла мальчика за руку и пошла к остановке. Егор оглянулся. Посмотрел на меня. У него были папины глаза. Серые, с тёмным ободком.

Я скомкала листок. Хотела выбросить. Но почему-то положила в карман.

* * *

Папа умер внезапно. Сердце. Ему было шестьдесят два, он ещё работал прорабом на стройке, по выходным возился на даче, катал на плечах моего сына. Они с мамой прожили тридцать шесть лет. Я выросла с ощущением, что у меня самая крепкая семья на свете. Папа приносил маме цветы без повода. Называл её «Надюша». Каждое утро варил ей кофе.

А девять лет назад, получается, у него родился сын.

Я начала вспоминать и складывать. Командировки на объекты в соседний город. Два-три раза в месяц. «Надюш, там бригада без меня не справится». Поздние звонки, на которые он выходил на балкон. Новая привычка прятать телефон экраном вниз. Мама, наверное, тоже всё это помнила. Но мы не говорили об этом. Мы вообще почти не разговаривали в те недели.

Через месяц мне позвонил незнакомый номер.

— Юлия Анатольевна? Это Кристина. Простите. Я по поводу наследства.

* * *

Я так и знала, подумала я. Конечно. Вот зачем она приходила.

Мы встретились в кафе. Я пришла заранее, заказала чай и приготовилась воевать.

Кристина пришла без мальчика. Села напротив, положила на стол папку.

— Я сразу скажу, — начала она. — Мне от вас ничего не нужно. Мне не нужна ваша квартира, ваша дача, папины деньги. Я работаю, у меня есть жильё. Но Егор — его сын. Это по закону. По закону у него есть право на долю. А я не имею права за него от этого права отказываться. Мне так сказали в опеке и у юриста. Это не моё решение. Это его право.

Она открыла папку. Там были фотографии. Папа с маленьким Егором на руках. Папа с Егором на велосипеде. Папа на школьной линейке, с букетом, рядом с первоклассником в огромном ранце. Папа улыбался на всех фотографиях так, как улыбался мне в детстве.

— Он его признавал? — спросила я. Голос у меня сел. — Официально?

— Нет, — сказала Кристина. — В свидетельстве у Егора прочерк. Анатолий всё обещал: вот выйду на пенсию, всё расскажу Наде, всё оформлю. Не успел. Теперь отцовство надо устанавливать через суд. Будет экспертиза. Генетическая. — Она помолчала. — Юля. Для экспертизы нужен кто-то из его кровных родственников. Брат, сестра. Или вы.

* * *

Я рассказала маме вечером. Я думала, она закричит. Или заплачет. Или скажет: «Никогда, только через мой труп». Мама молчала долго. Потом спросила:

— Ты видела фотографии? Он с мальчиком… счастливый был?

— Счастливый, мам.

Мама кивнула. Встала, пошла на кухню, поставила чайник. Стояла спиной ко мне и смотрела на чайник, пока он не закипел. Потом сказала, не оборачиваясь:

— Сдавай свой тест, Юля. Если мальчик Толин — пусть берёт своё. Это его отец. Ребёнок не виноват, что отец у него был трус.

Я сдала тест. Ватной палочкой с внутренней стороны щеки, как в кино. Через три недели пришёл результат. Вероятность родства — девяносто девять и сколько-то там девяток после запятой.

У меня был брат.

В тот же вечер я поехала к папе на кладбище. Одна. Земля на могиле ещё не осела, венки стояли выцветшие. Я села на лавочку и долго молчала. А потом начала говорить. Вслух. Сначала тихо, потом громко, на всё кладбище.

Я говорила ему, что он трус. Что он врал маме девять лет. Что он врал мне. Что я его ненавижу. Что он не имел права умирать вот так, не объяснив ничего, оставив нам этот вихор на чужой макушке и эту бумагу из лаборатории.

А потом я замолчала и заплакала. Потому что вспомнила, как он учил меня кататься на велосипеде. Бежал рядом, держал за седло, а потом отпустил и кричал мне вслед: «Едешь, Юлька! Сама едешь!» Наверное, так же он бежал рядом с Егором. И так же кричал.

— Пап, — сказала я. — Ну почему ты нам не сказал? Мы бы, может, поняли. Не сразу. Но поняли бы.

Папа, конечно, не ответил. Только ветер шевелил ленты на венках.

* * *

Суд был коротким. Мы с мамой не возражали. Судья зачитала решение: установить, что Анатолий Сергеевич является отцом Егора Анатольевича. Кристина плакала в коридоре. Егор сидел на лавочке и болтал ногами. Он не очень понимал, что происходит. Понимал только, что теперь у него в свидетельстве о рождении будет папино имя.

Потом нотариус всё разделил по закону. Квартира была куплена в браке, поэтому половина — мамина, супружеская. Вторая половина — наследство, её поделили на троих: маме, мне и Егору. Дачу так же. Папину машину тоже.

Я сидела и думала: как странно. Ещё полгода назад я не знала о существовании этого мальчика. А теперь мы с ним совладельцы одной квартиры. Брат и сестра. Через одну стену и тридцать шесть лет маминого брака.

* * *

Сначала я думала: выкуплю его долю, и всё. Расстанемся.

Но юрист объяснил, что Егор несовершеннолетний и продавать его долю можно только с разрешения опеки, и только если ему взамен купят что-то не хуже. Это долго, сложно. И потом… Потом я поняла, что не хочу расставаться.

Сначала я позвала Егора в кино. Просто так. Он пришёл с Кристиной, весь взъерошенный, в отглаженной рубашке. Посмотрел на меня и спросил:

— А ты правда моя сестра?

— Правда, — сказала я.

— А у тебя есть папины фотографии? Маленького? Мама говорит, у неё нет.

У меня их были сотни. Мама хранила в коробке все папины детские снимки. Я принесла ему пачку. Егор рассматривал их весь сеанс, не глядя на экран. На одной папа, лет десяти, стоял с удочкой, с тем же вихром на макушке, с теми же ушами. Егор долго держал эту фотографию. Потом поднял на меня глаза и сказал:

— Это же я.

* * *

Труднее всего было маме. Я не настаивала. Год она не спрашивала про Егора. Потом начала спрашивать. Осторожно, как будто между делом. «Как он учится? Болел зимой?»

А в декабре мама сама сказала:

— Позови мальчика на Новый год. И мать его позови. Что он будет один с ней сидеть. У него сестра есть, племянник есть. Пусть знает.

Они пришли. Кристина весь вечер просидела на краешке стула, бледная, ничего не ела. Егор с моим сыном, своим племянником, который младше его всего на два года, носились по квартире и строили крепость из диванных подушек. Мама стояла в дверях комнаты и смотрела на них. Я подошла к ней.

— Мам. Ты как?

— Знаешь, Юля, — сказала мама тихо. — Я Толю простить не могу. И, наверное, не смогу. А мальчика… мальчика мне прощать не за что.

* * *

Сейчас Егору двенадцать. Он приходит к нам по субботам. Мама учит его печь блины. Блины у него пока комом, но он упрямый — в папу. Кристина наконец перестала сидеть на краешке стула. Они с мамой не подруги, конечно. Но здороваются. А однажды я видела, как мама молча положила Кристине в тарелку кусок пирога. Самый большой.

Папины часы, которые мама долго не знала, кому отдать, она в прошлом месяце подарила Егору. Сказала:

— Носи. Отец твой опаздывал вечно. Хоть ты не опаздывай.

Я не знаю, как назвать то, что у нас получилось. Семьёй это назвать сложно. Но и чужими друг другу мы давно уже не были.

Тётя оставила мне в наследство дом в деревне. Вместе с домом мне достались её долг и её тайна

Тётя Шура завещала мне дом. Двоюродный брат Вовка, когда узнал, обиделся так, что не пришёл на девять дней. А через месяц, когда узнал про долг, позвонил мне сам и сказал с явным облегчением:

— Ну, Танюха, повезло тебе. Поздравляю. Владей.

* * *

Тётя Шура была маминой старшей сестрой. Своих детей у неё не было, мужа тоже — так и прожила всю жизнь одна, в деревенском доме, который ещё их отец строил. Мама с тётей Шурой то ссорились, то мирились, то не разговаривали по полгода. А я любила тётю Шуру всегда. Каждое лето в детстве проводила у неё: козье молоко, сеновал, речка, пироги с щавелем. Тётя Шура учила меня плавать, доить козу и ругаться на соседских гусей так, чтобы они понимали.

Когда я выросла, ездила к ней реже. Работа, муж, дети, ипотека. Звонила раз в неделю, приезжала раз в год. Тётя Шура никогда не обижалась. Говорила: «Таня, у тебя своя жизнь. Приезжай, когда сможешь».

Она умерла в апреле, во сне. Ей было восемьдесят один. А в мае нотариус вызвала меня и сказала, что я — единствен-

ная наследница по завещанию.

* * *

Дом был старый, но крепкий. Пять соток, баня, сарай, яблони, которые сажал ещё мой дед. Я стояла посреди тётиной кухни, смотрела на её фартук на гвозде, на чашку с отбитой ручкой, и плакала. Это был мой детский рай. И теперь он был мой.

Через неделю приехал Вовка. С женой, с рулеткой и с таким лицом, будто это он тут хозяин. Ходил по комнатам, простукивал стены, заглядывал в подпол.

— Брус ещё крепкий, — говорил он жене. — Участок пять соток, до трассы три километра. Тысяч семьсот можно взять, если с умом.

Потом он сел за тётин стол, положил на клеёнку свои большие руки и сказал мне очень душевно:

— Танюх. Ну ты ж понимаешь. Я тоже племянник. Тётя Шура меня тоже любила. По-родственному надо бы пополам.

— Вова, — сказала я. — Есть завещание. Тётя оставила дом мне. По закону, если есть завещание, ты здесь ни при чём.

— По закону, — повторил Вовка с обидой. — Вот так, значит. По закону. А по совести?

Он уехал, не попрощавшись. Жена его, уходя, сняла с гвоздя тётин фартук, посмотрела на него и повесила обратно. Видно, не понравился.

А в июне пришло письмо из банка.

Банк сообщал, что у Александры Ивановны остался непогашенный кредит. Триста двадцать тысяч рублей. Взят три года назад. И что наследники отвечают по долгам наследодателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.